

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 800.872 + 802.0 + 808.2

Т.Б. Банкова

СЛОВА-МИФЕМЫ В СИБИРСКОМ СЕМЕЙНОМ ОБРЯДЕ

Рассмотрена часть свадебного лексикона, напрямую связанная с мифологическим сознанием носителя традиционной крестьянской культуры. Выстроена система представлений, стоящих за словами-мифемами. Показана специфика подобных слов как онтофактов через реализацию их мифологического значения.

Традиционный русский (крестьянский) семейный обряд – сложное по композиции многоактное действие, знаменующее рубежную точку человеческой жизни, переход члена сельской общины в новый бытийный, возрастной, социальный статус. Например, народное видение родов сходно с концепцией смерти: беременная женщина умирает, дав жизнь двум новым самостоятельным существам, матери и ребёнку [1. С. 55], тем самым родильные обряды устанавливают новый бытийный и социальный статус их участников; а, к примеру, сельский мир, собравшийся на свадебный пир, «регистрирует» факт появления новой семьи – основы жизни крестьянской общины. Развернутый в пространстве и во времени семейный обряд состоит из множества различных по происхождению, характеру и функции элементов. Разнообразие составляющих обряд связано с региональными особенностями и социальными предпочтениями. В сибирском семейном обряде с учетом имеющихся его вариаций прослеживается функциональная доминанта, демонстрирующая мир культурных универсалий, обозначенных обрядовым словом.

Обрядовое слово обозначает предметы, лица, действия, употребленные не в профанной, а в сакральной функции. Лексические единицы, обслуживающие сибирский семейный обряд, можно разделить на три группы:

– **собственно сакральные** (например, *отпущение, запой (пропой)* ‘часть свадебного обряда – угощение после сватовства, сговора’; *поддружье* ‘свадебный чин, помощник дружки, главного распорядителя на свадьбе’; *боярка* ‘участница свадебного обряда, гостя со стороны невесты’; *хрестный*, в знач. сущ. ‘крестный отец’ и др.);

– **потенциально сакральные**, т.е. сакрализующиеся в момент обряда и порождающие новые обрядовые единицы (например, *платье – венчалное платье, визитное платье, чайное платье*; *свадьба – свадьбишные песни*; *свадьбишные* ‘участники обряда, гости на свадьбе’; *поезд – свадебный поезд* ‘вереница повозок с участниками свадебного обряда’, *поезжане* ‘участники свадебного обряда’);

– **ситуативно сакральные**, лексические единицы, относящиеся к нескольким обрядам (*печь, платок, полотенце, веник* и др.).

Целесообразность выделения ситуативно сакральных лексических единиц в отдельную группу объясняется трудностью их словотолкования, невозможностью адекватно перевести на язык описания их значения. Объясняется это тем, что, вплетаясь в ткань обряда,

сами предметы уже имеют множественную обрядовую семантику. По авторитетному мнению О.А. Седаковой, такие предметы имеют «традиционное мифологическое значение», или «традиционную значительность», «к ним относятся *обувь, пояс, лизинец, веник, дом* и его части (печь особенно) и такие признаки, как *белый, сладкий, старый, нищий, чётный – нечётный* и др. Такого рода вещи и свойства всегда *что-то* значат: иначе говоря, они обладают какой-то постоянной смысловой и действенной (магической) потенцией, *силой* (выделено автором. – Т.Б.). Можно было бы сказать, что эти предметы и признаки представляют собой имплицитные мифы о себе самих» [2. С. 145]. Действительно, в зависимости от контекста обряда, а также конкретного его эпизода лексическая единица, обозначающая перечисленные предметы, актуализирует одно из своих значений (например, только лексическая единица *полотенце* в контексте семейных обрядов выступает в семи самостоятельных значениях) [3. С. 128–143]. Необходимо отметить, что подобные единицы уже рассматривались в научной литературе. Так, К. Леви-Стросс, рассматривая лексикон сказки, утверждает, что в ней существуют «слова с двойным значением, слова слов, одновременно функционирующие в двух планах – в плане языка, где они сохраняют свое лексическое значение, и в плане метаязыка, где они выступают в роли элементов вторичной знаковой системы, которая способна возникнуть лишь из соединения этих элементов» [4. С. 451]. Подобные лексические единицы К. Леви-Стросс предлагает назвать мифемами. Вслед за К. Леви-Строссом возможно выделить группу слов, имеющих сходную функцию в сибирском семейном обряде.

Слово-мифема выполняет двойную функцию. С одной стороны, она называет предмет обыденного мира, когда находится вне обряда. С другой стороны, попадая в его контекст, оно вызывает представления, выходящие за пределы обыденного. Эти представления вызваны некими устойчивыми, стереотипными сигналами, которые «излучает» слово, их называющее. Стереотипы восходят к традиционному, архаическому сознанию, которое закрепляло за предметами материального мира те объяснения абстрактного, непонятного, раздробленного на фрагменты, которые позволяли одномоментно собрать их в целое и понятное, но не отменяли при этом некой магии, создавая резерв для возможных объяснений явлений не присвоенного пока разумом духовного мира. Закрепление материально-духовного содержания мира в памяти, необходимость

удержания сложной его структуры в каких-то понятных и общедоступных формах определили тенденцию наделять самые необходимые для ежедневного проживания предметы (объекты бытовой жизни) содержанием небытовым, необходимым. Общеупотребительное слово получало по принципу аналогии, подобия некую «историю» из духовной сферы. Эта «легенда», закреплённая за словом, становилась вторым планом его значения и обрастала за счет детализации нового дискурса небытового контекста. Например, *печь* – центр дома, очаг (в человеческом сознании печь тесно связана с огнем – символом домашнего очага, покровителем семьи [6. С. 240]), в крестьянском (сибирском) понимании является сугубо русским изобретением: *А это только русские придумали, так и пошла пословица – русская печь. А потом и остьяки стали делать такие печи* (Пар.). В Вершининском словаре, кроме слова *печка* (слово является высокочастотным, зафиксировано 209 словоупотреблений), есть наименование *русская печька*, которое противопоставлено *битой печке* (сделанной полностью из глины), а также лексема *большая печька* ‘русская печька’, отличающаяся также высокой частотностью (40 словоупотреблений) [5. Т. 6. С. 96]. Одновременно печь является и признаком «русского»: отсутствие печки в жилище квалифицируется как «чужое» пространство: *Ну, они живут, мясо сыро едят, ну, потом, в чуму у них ни печки, а этот костёр горит, два брёвнышка берут, концы заткнут и сидят вокруг... С трубкой сидят, поплёвывают* (Пар.). Кроме того, именно печь определяет материально-духовный образ жизни: *А без русской печки не можем обойтись. Мы живём по-простому, крестьяне* (Шег.) – и олицетворяет собой сам дом: *Русские печи были специальные. Раньше не было избы, чтоб в ней русской печи не было* (Колп.). Следовательно, лексема *печь* в народном мировидении тесно связывается со всем «русским»: народом, жилищем, пищей, культурой в целом.

В выстраиваемой духовной сфере печь закрепляет за собой представление об упорядоченном микрокосме, самым близким и понятным для крестьянина примером которого является дом с его строгой системой жизнеустройства: *Раньше кирпича не было, из глины били [печь]. Делаеть деревянный станок, сухую глину таскаешь и молотком бьёшь. Середка-то пустая, хлеба печь, булочки садить... Глиняный домик* (В.-Кет.). В крестьянском доме каждый предмет имеет свое место и название (все они таким способом «присвоены» и приспособлены к жизни). Из этого складывается его гармония. Так же традиционное сознание «обживает» печь, дробя её на составляющие и вновь собирая их в целостный космос. Скорей всего, с этим явлением связано наличие большого числа лексических единиц, называющих части печи: – *Печь, припльче... Опечек, цело передне, задне цело, порог, шасток, чувал, под, заслонка* [5. Т. 6. С. 149].

С печью связано традиционное представление о мироздании, где устройством дома связано с устройством космоса: *Когда маленьки были, мать заставляла лазить в печку и мазать небо, если оно разрушилось; Верх-то [у русской печи] уж нёбо (нёбо и небо в Вершининском говоре – варианты) звали; Верхняя часть печи – нёбо* [5. Т. 4. С. 114].

С появлением этих значений (микрокосм и макрокосм), уже мифологических, объясняющих мир через лексему *печь*, это слово становится ядерным для формирования вокруг себя целого поля, массива слов, выстраивающих новую реальность и формирующих свой собственный мифосюжет. Так, О.А. Седакова считает, что особые предписания обращения с мифологизированными предметами разворачивают их «микромиф» [2. С. 145]. Анализируемый материал среднеобских говоров подтверждает это: с печкой связаны многие приметы и существуют строгие правила обращения с ней: *В печи уголь гасить нельзя* (Мол.); *Чего мусор туды [в печку] кидайшь?* (Крив.). *А после похорон у печи стояли* (Пар.). С печью как духовным содержанием, гарантом стабильности и благополучия связан сибирский обряд обживания нового жилища, который осуществляется через перенос в него содержимого печи: *В нову избу поехали, так и угли с собой взяли из печи* (Крив.).

В сибирском свадебном обряде сама печь и пространство вокруг неё являют собой площадку, на которой разыгрываются его эпизоды. Так, из кута (‘место за печью’ [5. Т. 3. С. 201]) выводят невесту перед венчанием: *Невеста готовится, сидит в куте, жених сам ее выводит из кутя. Девки-подружки и маскированный и стучит плеткой, и рюмка у него. Нальют – сильней стучит. Тогда ложат деньги, и потом уж видит, много накидали, посчитает, который возьмет сколько-нибудь себе, остальное возвратит* (Кем. Л.-Куз.). Печь и ее части – метафора экономического состояния жениха и невесты, что закрепляется в этапе обряда *глядеть печку, глядеть (смотреть) загнетку* (*загнетка* – небольшое углубление в левой или правой стороне русской печи, куда забребают угли и золу’ [5. Т. 2. С. 235]): *Ну, заходят сваты, свёкор да тётка. Сразу и говорят: «Мы под матку садимся». Под матку, значит, сосватать сразу... Поговорили тут-ка. Мачеха сгоношила всё на стол. Идут. Заходит жених, а мне стыдно. Моя подружка с ими пришла. Потом мачеха и тятя пошли **печку к жениху глядеть**. А зачем, не знаю. А мы с женихом остались, да молодёжь пришла (Шег.); *Женихово хозяйство смотрели, а у невесты что смотреть? Которы глядели загнетку у жениха, которы нет. Загнетку назавтра поехали смотреть – хозяйство женихово* (Том.). Выражения *глядеть печку, глядеть (смотреть) загнетку*, называющие ритуалы и связанные с миром жениха, противопоставляются выражению *мерить на завес над печкой*, обозначающему аналогичный эпизод, но только в доме невесты: *Приезжает мать или хрёстная мерить, сколько надо на завес над печкой, а там уж наряженный поезд с колокольцами* (Шег.). В синонимических выражениях, содержащих в своем значении «экономический» компонент, априорно смысловым ядром остаётся *печь* как символ семейного благосостояния. При этом не утрачивается принцип узнаваемости, т.к. значения слов, именующих объекты новой реальности, строятся на принципе мотивности (мотив – печь), который призван в повторяемости фиксировать общие, коллективные представления, названные Б.М. Гаспаровым «цитатным культурным фондом» [7].*

Таким образом, слово-мифема в контексте обряда имеет мифологическое значение, которое репрезенти-

рует универсальную модель мира (микрокосм и макрокосм) и является «сотворенной природой», готовой данностью, которой присущи законы упорядочивания действительности [4. С. 452]. Лексическая единица, наделённая мифологическим значением, становится основой для оформления метаязыка обряда, смысл и конфигурация составляющих которого уже заложены в самом слове-мифеме. Мифологическое значение слова фиксирует упорядоченность мира на принципах общности и соотносительности явлений, процессов или их фрагментов и предполагает модель целостного бытия, оно устойчиво, потому что прочно укоренено в архаическом сознании.

Необходимо отметить сохраненность в обрядовом лексиконе этого пласта слов, связанного с глубочайшей архаикой. Даже записи 1980–1990-х гг. показывают, насколько широко представлен корпус обрядовых слов, связанный с архаическими традициями, и что некоторые христианские обряды (в связи с повсеместным идеологическим воспитанием советского времени) редуцированы, а лексический состав, репрезентирующий институт христианского обряда и праздника, представлен в усеченном виде. Например, лексическая единица *венец* (церк. Корона, возлагаемая на вступающих в брак при церковном обряде [5. Т. 1. С. 166]) является собственно сакральной, что отмечено в Вершининском словаре, диалектном словаре полного типа, пометой «церковное». Данное слово – принадлежность исключительно свадебного обряда, самого красочного из всех семейных, поэтому оно «ведет» текст воспоминания о венчании: *Венцы надевают. Венец большой – платочек закладывали. Венцы как царская корона. Потом ведут вокруг налож, теперича кольцами обручают, приговаривают что-то к кольцам* (Кем. Мар.); *Венец одевали на голову, кольца одевали, серебряные колечки были, поп всё наговаривал: слушай жена мужа, а муж жену, не ругайтесь, будь новорождённый. Потом снимали венец* (Зыр.). Церковное венчание имело юридический статус. Для полного признания брака требовалась общинная, коллективная санкция [8. С. 487].

Процесс перевода слова из другой (христианской) культуры в архаическую осуществляется через формирование образа этого предмета на основе типичного для крестьянского мировидения образного представления путем замены другим сакральным словом: *В среду и пятницу венчались... на женихе и невесте короны* (Шег.); *Венчались. Заходят, коронки такие надевают с крестом на голове, ну и потом за руки берутся, так вот и держатся* (Крив.); *В церкви венок надевают им и водят всё вокруг алтаря. Потом батюшка спрашивает у невесты: «Ты влюбя идешь?»* (Колп.) или соотношения с бытовой понятной реалией: *Цветами украшали, в церкви горшок надевали – венец называется* (Колп.).

Формирование образа может привести к десакрализации лексической единицы, т.к. подбор метафорического эквивалента по самому очевидному признаку данного предмета приводит к «обывленению» сакрального, и лексема-метафора гармонично входит в обрядовый текст (*шапка, колпак* – образные слова, помещены в [9. С. 129, 297]). *В церкви молитву поп читал. Нас перекрестил. Каку-та шапку одевал на нас. Ужо 56 лет вместе живём. После церкви едем домой* (Зыр.); *Шапки накинута*

нас, тысяцкий, сваха была, поп ходит кругом (Колп.); *Подводы там в церкву ездили венчаться, надевали такой колпак* (Кож.); *Поезд, лошадей десять запрягли, да в церкву венчаться. Одели колпаки, обвели вокруг три раза, да и пошли домой* (Колп.). В результате десакрализованное «церковное» слово исчезает из лексикона, его заменяет новая, потенциально сакральная единица, напрямую связанная с крестьянским жизнеустройством.

Достаточно ограниченный арсенал предметов домашнего обихода вынуждает использовать эти объекты в разных обрядах, где они могут выполнять смежные функции, нарабатывая, расширяя свое мифологическое значение, т.к. становятся участниками и творцами все новой реальности, где вкрапливаются в сакральную историю и несут в своей семантике ее зерна. Слова-мифемы выполняют две функции: во-первых, названия (номинации) объектов профанного мира, во-вторых, предиката, в котором заключено мифологическое значение, представляющее эти реалии в сакральном мире. Предикативность предполагает процессуальность, действие по выстраиванию нового культурного пространства (собственно мифологическое содержание) и проистекает из денотативного значения, основополагающего, но не из периферийных в многозначном слове, т.к. на нем (денотате) будет держаться узнавание мира новой реальности. Такая природа мифемы свидетельствует о ее месте в структуре языка, когда речь идет об обряде. Став фактом текста обряда в его вербальном выражении, слово-мифема закрепляется в актах регулярной актуализации ее мифологического содержания и функции на уровне обряда, наиболее часто воспроизводимого. Безусловно, такой ситуацией становится семейный обряд (рождение, свадьба, похороны), в узловых моментах фиксирующий «историю» семьи. Здесь проявляется сакральный компонент слова (собственно мифема), т.к. каждый раз обряд воспроизводит магический акт. Таким образом, слова-мифемы становятся полисемичными теперь уже и в своем предикативно-мифологическом существовании.

При лексикографической разработке слова-мифемы, обозначающего предмет, необходимо учитывать следующие позиции: атрибутом каких обрядов является, в каких эпизодах появляется, с какой целью; кто и кому адресует; какие функции выполняет (например, роль оберега, замещения, символа и т.д.).

Так, слово-мифема ПЛАТОК (в [5. Т. 6. С. 113] платок – кусок ткани или вязаное изделие, надеваемое на голову или набрасываемое на шею) вступает в гипонимические отношения с такими лексическими единицами, как кокетка, шаль, и в свадебном обряде появляется в следующих эпизодах (эпизоды выстроены по мере разворачивания обряда во времени):

1. *Смотрины (смотры) // Просватанье*. ПЛАТОК. Обязательный (слово «обязательный» в толковании значения означает, что без включения данного предмета в обряд он не будет иметь магической силы) атрибут даров невесты. Преподносится будущей свекрови. – *На смотры приезжают, когда сосватана невеста. Невеста дарит всем подарки, свёкру портянки, свекровке платок* (Кем. Л.-Куз.).

2. *Рукобитье*. ПЛАТОК. Символизирует согласие сторон на брак в акте передачи от родственников не-

весты к родственникам жениха. – *Невестин отец берёт в руки платок, обматывает руку, подаёт женихову отцу через стол, отдают невестинной матери, жениховой матери* (Том.).

3. **Пропой** (♦**Дары выговаривать** ‘помещать в число условий, включать в договор’). ПЛАТОК. Обязательный атрибут в разворачивании обряда. Символизирует ритуализированность действия – *Сваты, как невеста согласна, так отдают. Просватается она. Дары выговариваются, вот мужику дарю рубашку или чё друго. Тарелку носят на платке, это дары выговаривают* (Кем. Мар.). ШАЛЬ (в [5. Т. 7. С. 305] шаль – ‘большой тканый или вязаный платок’). Предмет, выдаваемый невестой в качестве задатка. Символ согласия невесты на брак. – *Сваты приходят к невесте первая без жениха. Сватаются. Сговариваются. Она задатки даёт жениху. А теперь жемпер желаешь отдать или шаль* (Том.).

4. **Расплетение косы // Сбор к венцу**. КОКЕТКА (КОТЕТКА). ПЛАТОК. ШАЛЬ. Часть свадебного наряда невесты. Используется вместо **ували** (вместе с венком составляла свадебный головной убор невесты). Имеет обереговую функцию. – *Светы восковые покупали к венцу. Сверху одевает шелковый платок. Кто побогаче, так шаль* (Кем. Яйск.); *Невеста сидит за столом с девками. Под венцом стоит закрытая котеткой* (Том.); **Выкуп косы**. ПЛАТОК. Используется в качестве оберега. – *Девушка садится с женихом. А мы наряжались, которые кладём в блюдцы деньги. Платочком окружишь его и поёшь песню: «Виноград в саду цветёт, ой ягода, ой ягода поспевай»* (Колп.);

5. **Сбор поезда**. КОТЕТКА. Предмет праздничного убранства коней, род попоны (ср. ПЛАТ. стар. попона, конско одеяло [10. Т. 3. С. 122]) – *Котетка – это шерстяной платок, когда замуж выходили, коней наряжали ими*. (Шег.); ПЛАТОК. Деталь праздничного оформления лошадиной упряжки. Символ начала свадебных торжеств, а также чистоты невесты (красный платок в среднеобских говорах является также символом чистоты, непорочности невесты [11. С. 215]) – *А на другой день после венчанья поехали с ём гостей приглашать. Красный платок на дугу надели да поехали*. (Шег.). ШАЛЬ (♦ШАЛЯМИ ПЕРЕКАТЫВАТЬ). Атрибут наряда главного лица свадебного поезда. Символизирует главенствующее положение среди свадебных чинов. – *Я поехал свататься в деревню в другую. Надо убёгом украсть. Повенчаемся, никто не отберёт. Поезд собирали, тысяцкий был, его шаялями перекатывали* (Кож.).

6. **Перед венцом**. ПЛАТОК. Атрибут магического ритуала. Прогнозирует распределение ролей в семейной жизни. – *Платок расстилает сваха невесты при входе в церковь. Тот из молодых, кто первым ступит на платок, будет старшим в семье* (Том.). **Венчание**. ПЛАТОК (ПЛАТОЧЕК). Обязательный атрибут магического ритуала, сопровождавшего церковное венчание. Прогнозирует верность супругов, а также будущее богатство (Ср. ПОДНОЖЬЕ. Плат, подстилаемый под ноги венчаемых. *Под венчальное подножье деньги бросить – молодые богато жить будут* [10. Т. 3. С. 190]. – *Стоит стол, обведёно лентами, венцы так держали. Коса распушишена. И в Томским вот не лентой, а свиток, на краюшку каки-нибудь прозолоточки.*

Несут платок – это называют подножье (Кем. Юрг.); *Постелят платочек под ноги. Хор поется. Мы кольцами обменялись и берёмся рука за руку* (Том.); *В церкви под ноги постлают платочек, потом надевали венцы* (Мол.). **После венчания**. ПЛАТОК (ПЛАТОЧЕК). Атрибут магического ритуала. Растянутый за концы родителями жениха и невесты, используется в качестве оберега. Защищает от супружеской неверности. – *С него стороны его хрёстная стоит. Платочек возьмут и держут. Это матеря, да? Примерно твой сын бы меня взял, а мы с тобой сваты. Хрёсные друг другу сватья* (Кем. Юрг.).

7. **Окручивание**. ПЛАТОК. ПОВОЙНИК (‘женский головной убор в виде повязки, надеваемой под платок’ [5. Т. 6. С. 137]). Обязательный атрибут обряда. Головной убор – символ замужней женщины. Повязываемый вместо венчального, символизировал переход в новый социальный статус (ср. ОКРУЧИВАТЬ. О наряде молодой после венца (она венчается с распущенной, расплетенной косой): *заплести косу на две, обвить вокруг головы и надеть кокошник, повойник. Окрученная молодая после венца в бабьем уборе* [10. Т. 2. С. 669]). – *После свадьбы вечером отходят. Тогда снимают и вот эти венцы самые, завязывают платком, молодуху, повязывают белым платком, назад, и все снимают. Снимают и платье, и всё* (Крив.); *Когда перевенчуются, начинают завязывать эту молодуху, заплетают косу, платком назад концы – повяжут* (Зыр.); *Когда девушка замуж выходит, так у ней коса одна была. В тут её под шаль садят, и жених заплетаёт ей косу одну, а другую кто-то другой. Потом косы уже побабы завязывают платочками. Тады уж молодуха не снимает платка* (Том.); *Повойник, когда заплетут, косы-то вот так наладят, его надевают вниз под фальшонку, чтобы не на волосья фальшонка-то была. У меня платье было розово и этот, повойник, розовый был* [5. Т. 6. С. 138]. ШАЛЬ. Обязательный атрибут обряда. Служит оберегом невесты в момент заплетения косы на две – символа замужней женщины. – *Закрывают невесту идеялом или большой шалью, разделяют ей на две половинки косыньку* (Крив.); *Сядут за стол, тогда свахи закрывают молодуху. Утром встанет, хрёстна наряжает. Посодит за стол. Унывно шибко сидит невеста. В шали. Шаль надвинута. Сидит под шалью и плетут две косы* (Зыр.). ШАЛЬ. Обязательный атрибут обряда. Служит оберегом для жениха и невесты. – *Едут в церковь, оттуда приезжают, гуляют. Тогда молодых закрывают шалью – невесту с женихом* (Шег.).

8. **Проводы гостей**. ПЛАТОК. Часть благодарности (платы) дружке за хорошо проведенный свадебный обряд. – *От невестинной матери испечён бывает курник – пирог с мясом так называют. Он завязанный в платок, а дружку провожают, дак этот курник ему отдают, дружке* (Кем. Юрг.).

Платок, бывший убранством невесты, наделяется особой магической силой: он помогает выздороветь: *Раньше врачи-то редко были. Ребёнок заболевает, подвенчным платком завернут, если жить будет, то он перестанет хворать, если не жить, то он умирает* (Кож.); а также может предсказывать будущее во время гаданий: *Вздумал он поворожить, только платок надо* (Пар.).

Таким образом, выделение всех актуализированных обрядом дифференциальных признаков, а также учет их при толковании значения обрядового слова-мифемы позволит представить его стереоскопическую природу.

Некоторые предметы, которые называет слово-мифема, могут быть внешне выделены из профанного мира при переводе в сакральный. Например, такой сугубо обиходный предмет, как **веник**, становясь непременным атрибутом свадебного обряда: а) украшен бумажными цветами и лентами – показателями праздничности (*Девичник был, гостинцы привозили. В бане девки меня парили, вот така мода была. На конях веник убранный по деревне возили. Невеста убрана коса разукрашена* (Том.); *Девушки накануне баню истопили, жених веник прислал, веник воткнул, лентами украсят. Одна подруга с веником впереди идёт. Жених прислал веник, мыло. Веник на улице оставили, помылись* (Мол.); б) у него появляются дополнительные функции – расчищать путь свадебному поезду (*Раньше ведь всякое волшебство было. Колдуньи были. Наворожат, и поезд не пойдёт. Сваха бежит впереди, разметает дорогу веником. Всяко бывало* (Зыр.), мести сор (сор ♦ мести сор – ‘один из ритуалов свадебного обряда’ [12. Т. 4. С. 80], во время которого невеста должна была продемонстрировать свою ловкость, умение превозмочь все испытания): *Туда несут сена и солому охапками. Молодуче деньги кидают и заставляют избу веником мести. Но тока от порога* (Том.); *Принесут охапку сору в избу, и невеста с веником метёт, а все кидают деньги, молодуха их собирает. Когда метёт сор, подойдёт маменька, тоды едут к родне невестинной* (Шег.), связанные с его основной функцией (ср. ВЕНИК. Связка прутьев или веток с листьями для подметания полов, для парения в бане [5. Т. 2. С. 166]). За обыденным предметом может закрепляться иная процедурность. Так, например, украшенная **ёлка**, **ёлочка** (сибирское свадебное деревце), символ и заместитель невесты, становится предметом выкупа или борьбы за неё: *Ёлку выкупали. Дружка платит за ёлку двадцать рублей. Ёлку украшали бумагой цветной, краси-*

вой её делали (Кем. Л.-Куз.); *Небольшую такую елочку привозят из леса, нарядят её, булочку хлеба, всегда в четверг, пятницу венчались. В понедельник никогда не начиналось. В субботу начинается свадьба, ставят ёлку на стол, так в углу. Сидит невеста, кругом подруги, свадебные песни пели. Плачет сидит, едет в чужой дом* (Асин.); *Наряжают ёлку, две бутылки ставят, и за шилец, и за мылец, и за тёлочку продадут [невесту]. Неделью девки на невесту шили. Ну, [говорят жениху] надо на вуаль там. От у нас невеста, дорога. Девки-то рот разинут, а дружки, а дружки – он эту ёлку «цоп» и украдут. Девки за ёлкой, а жених к невесте за стол. Тогда девки из-за стола вываливают, он своих гостей насадит. И от дорит, дорит. Жених – кладёт, и это дружки стараются ёлку утаашиить на дугу коню-то. А други стараются бутылку стаашиить, чтобы стол опустошить. И поехали венчаться* (Шег.).

Следовательно, **веник**, **ёлка** в момент обряда переносятся в сакральный мир и теперь сотворяют свои новые истории в магической ипостаси. Таким образом, специфика слов-мифем состоит в реализации их мифологического значения не в акте номинации, а в предикации. На уровне предикативного значения слова-мифемы вырастает мифологическая история, а называние его в обряде вызывает в сознании метафору предмета, а не сам предмет.

Слова-мифемы – хранители самых архаичных представлений крестьянской общины о мироздании, освоенном на уровне бытовых реалий, поэтому они активные «оформители» семейного обряда. Они по своей природе настолько витальны, что бессознательно сохраняются в глубинах коллективной памяти и актуализируются во многих обрядах. Их лексикографирование с лингвокультурологических позиций открывает механизм перехода сознания участников обряда из мира профанного в мир сакрально-мифологический, поэтому требует учёта специфических компонентов (мифологических и символических), даёт объём в репрезентации всей полноты природы, функционирования и востребованности этого пласта обрядовой лексики, пока есть носители хотя бы осколков архаического сознания.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Томская область:

Пар. – Парабельский район.

Шег. – Шегарский район.

Колп. – Колпашевский район.

В-Кет. – Верхнекетский район.

Крив. – Кривошеинский район.

Том. – Томский район.

Зыр. – Зырянский район.

Кож. – Кожевниковский район.

Мол. – Молчановский район.

Асин. – Асиновский район.

Кемеровская область:

Кем. Л.-Куз. – Кемеровская область, Ленинск-Кузнецкий район.

Кем. Мар. – Кемеровская область, Мариинский район.

Кем. Яйск. – Кемеровская область, Яйский район.

Кем. Юрг. – Кемеровская область, Юргинский район.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабакова В.И. Полесская народная антропология: женский текст // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М.: Индрик, 2001. С. 50–78.
2. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

3. Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 128–143.
4. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика. Антология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 423–453.
5. Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
6. Токарев С.А. Огонь // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 239–240.
7. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: лингвистика языкового существования. М., 1996. 423 с.
8. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские. М.: Наука, 2003. С. 466–500.
9. Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989.
11. Банкова Т.Б. Концепт «честь» в «Словаре сибирских обрядов» // Образ человека в картине мира: Сб. ст. на основе Всерос. гуманит. науч. конф. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 211–217.
12. Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 июня 2008 г.